

часть, каждую минуту, онъ рѣшилъ, что «человѣкъ не можетъ быть иначе счастливъ, какъ пользуясь настоящимъ и не помышляя о будущемъ»—и онъ, вѣрный своему (*эстетическому* на этотъ разъ), возврѣнію на жизнь, для три, подъ вліяніемъ этой мысли, бросивъ уроки, занимался только тѣмъ, что «лежа на постели, наслаждался юношескими пранниками съ кроновскимъ медомъ и чтеніемъ романовъ...» Или, то, вдругъ, покажется ему, что «красота, добродѣтель и счастье одно и тоже, что какъ то, такъ и другое легко и возможно для него, что одно не можетъ быть безъ другаго», то, начавъ, напр., мечтать о томъ, какъ онъ изъ *блѣнѣющей*, которую будетъ получать отъ отца, непремѣнно два съ полтиной будетъ отдавать бѣднымъ и такъ, чтобы никто не зналъ, какъ онъ въ точности будетъ исполнять «все» разумной, нравственной, безупречной жизни,—онъ, незамѣтно для себя, кончаетъ тѣмъ, какъ онъ «сдѣлался первымъ ученымъ въ Россіи... Даже въ Европѣ я могу быть первымъ ученымъ», но тутъ же называется это «гордостью, грѣхомъ» и возвращается опять къ началу... но незамѣтно опять «сползаетъ» на «эстетическое»: «совершенствуетъ» уже себя такъ, что будетъ... *сильнѣе* самого Раппо: «первый день я буду держать полууда вытянутою рукой пять минутъ, на другой день 21 ф., на 3-й 22 ф. и т. д.» Потомъ онъ «вдругъ» схватываетъ кого-то «непочтительно отозвавшагося о немъ— такъ, просто за грудь, подниму этакъ аршина на два отъ земли одною рукой и только подержу, чтобы почувствовалъ мою силу, и оставлю... Но, впрочемъ, и это нехорошо!»

Въ такомъ родѣ и всѣ мечтанія нашего героя объ «усовершенствованіяхъ»... Видно только, что потребность развитія непреоборимо живеть въ его душѣ, но, при всемъ томъ умѣніе различить нужный и потребный ему идеалъ